Кооперация—научная практика взаимной помощи.
Элизе Реклю.

ПОЧИН

Кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом современного анархизма.
Проф. Туган-Барановский.

Кооперация. — Синдикализм. — Этика.

№ 7. ИЮЛЬ, 1920 г. № 7.

Содержание. Внутренний товарообмен.—Этика и право.—Этический закон труда.—Л. Бертони о *диктатуре пролетариата* —Революционная тактика анархизма.

ВНУТРЕННИЙ ТОВАРООБМЕН.

Современная Россия, подобно Дантовскому аду, вымощена благими намерениями своих правителей. Не смотря на все наше отрицательное отношение ко всякой государственной власти, мы ни минуты не сомневаемся, что в основе всей продовольственной политики правительства, которой подчинен внутренний товарообмен, лежит желание блага народу. Но одного желания мало, нужно уметь творить добро.

Нас, анархистов, менее всего можно заподозрить в мягком отношении к частной скупнической торговле. Всякая торговля, не имеющая целью прямое потребление, есть спекуляция.

Вся разница между кооперативной торговлей и частной, капиталистической, заключается в том, что первая имеет в виду *непосредственное снабжение своих членов* по себестоимости, а не вольный рынок, расчитанный на спрос и предложение для определения цен.

Если порой кооперация допускала нарушение своего основного начала—снабжать только своих членов,—и вступала на путь частной торговли, то это говорит против искажения кооперации, а не против нея самой.

Кооперация—единственный, на деле с успехом испытанный путь к социализации товарообмена. Государственный продовольственный аппарат достаточно доказал свою непригодность в задачах правильного товарообмена и справедливого распределения продуктов. При полном обесценении кредитных денег,—являющееся не следствием революционности, как льстит себе наркомфин, а игнорирования законов политической экономии,—наше продовольственное дело зиждется на прямой и косвенной натурализации налогов. „Твердые цены", по существу, те же, плохо замаскированные налоги. Что государственный аппарат может при этой системе кое-что раздобыть для населения, и в особенности для своих чиновников, в этом нет сомнения. Но чтобы он мог *хорошо* и *полностью* удовлетворять насущные потребности народа, последнее более чем сомнительно.

Государство всегда было не только плохим хозяином, но еще худшим из торговцев.

Возлагать надежды на постепенное приобретение опыта и улучшение системы —недопустимо. Нельзя населению питаться с перерывами или безнаказанно недоедать в течение продолжительного времени.

Не даром председатель Московского Совета предупреждал своих товарищей по власти, что если они строго проведут запрещение частного товарообмена, то смертность повысится. Жаль только, что он не выяснил насколько вымирание народа усилилось благодаря даже половинчатым мероприятиям по проведению монополии на нормированные продукты.

Это за него сделал другой.

По результатам работ одного санитарного врача оказывается, что во Владимирской губернии идет вымирание населения, главным образом городов: смертность превышает рождаемость на 11%. Эти результаты были доложены губернскому с'езду врачей, имевшему место в начале июня т. г.

Не лучше ли было бы доучиться у немцев, выдумавших государственное снабжение населения? Во время своего хозяйничания на Украине они не отбирали у жителей нормированные продукты, как это делают наши заградительные отряды, а лишь выписывали их из продовольственных списков на соответствующий срок.

Если государственный аппарат не в состоянии снабжать население даже минимальным количеством таких продуктов первой необходимости, как жиры и белки, —оно на самом деле так и есть,—то почему не предоставить населению самому снабжаться у производителей-крестьян, в отдельности или на кооперативных началах, списав соответствующих лиц из продовольственных планов? Быть может тогда продовольственных запасов государства хватит на лучшее снабжение не только „ответственных работников", командируемых служащих или иностранных гостей, но и больниц, богаделен, инвалидов и иных безпомощных элементов населения.

Что касается до продуктов личного и семейного производства крестьян и ремесленников, то только благодаря затмению социалистического сознания можно было дойти до запрета трудящимся свободно сбывать плоды своих собственных трудов.

Не надо забывать, что подавляющая масса населения России живет семейным и личным сельско-хозяйственным и ремесленным трудом.

Кто знаком с экономическими исследованиями П. А. Кропоткина, тот должен более чем усомниться, чтобы централизация производства являлась признаком прогресса. Эта централизация нужна была капитализму для эксплуатации народных масс. Раз этот мотив отсутствует в крестьянском и ремесленном быту, то прогресс должен итти путем технического усовершенствования децентрализованного производства, а не государственным субсидированием искусственных об'единений, называемых „коммунами", при том же дающих на деле плачевные результаты.

Стремление к об'единению среди крестьянства и ремесленников проявлялось и раньше, помимо государственной власти, в более практичных формах земледельческих и кустарных кооперативов сбыта и закупок.

При свободных общественных порядках, при отсутствии власти, нет сомнения, что кооперативный товарообмен вытеснит частную торговлю.

К сожалению Россия слишком темная и безвольная страна, чтобы, если не вполне освободиться от власти, то хотя бы ограничить ея произвол, мешающий социализации товарообмена в кооперативных формах.

Поймут ли всю свою пагубную роль в деле товарообмена наши заправилы власти, превратившие Россию своими благими намерениями в сущий ад?

ЭТИКА И ПРАВО.

„Право вытекает из жизни", говорят юристы и садятся глубокомысленно изучать законы. А на деле законы, об'язательные для всех, пишут не ученые исследователи жизни и даже не всегда юристы, а *власть предержащие*, т. е. люди, располагающие грубой силой для подчинения своей воле других.

В силу основного сходства приемов управления всех видов власти, в каждом государстве скапливается неимоверное количество законов разных режимов.

Старый свод законов Российской Империи состоит из 18 об'емистых томов, содержащих в общей сложности свыше 20.000 страниц; на одно автоматическое прочтение их понадобились бы месяцы. Советская власть не только не отменила формально все эти законы в целом, но и утвердила значительную их часть с некоторыми оговорками (судебн. устав 1864 г. —декретом о Суде от 2 февраля 1918 г.). Если многие из царских законов и упразднены Временным Правительством и Советской Властью, то их с лихвой заменили новые законы, декреты и постановления.

„Никто не может отговориться незнанием закона",—таково одно из основных положений права.

Почему? где тут логическая предпосылка?

Предположив даже, что свод законов отпечатан в достаточном количестве экземпляров, чтобы стать доступным всем, каким образом может знать все законы малограмотный и неграмотный в общей массе народ, в добавок еще обремененный повседневным трудом?

И с этим явно лишеным здравого смысла положением примиряются все ученые юристы, а органы власти, даже социалистической, неуклонно придерживаются его.

Тут причина не правовая, и не логическая, а чисто практическая: без этого нелепого предположения государственная власть не могла бы претендовать на подчинение всех своим законам, следовательно она не могла бы и существовать. Оно же показывает каким несущественным наслоением является в народной жизни устанавливаемое государственной властью „право". Если бы, по выражению поэта-анархиста, нашелся бы „честный вор" и украл бы в один прекрасный день все законы, то „ученые" юристы и „мудрые" законодатели с изумлением убедились бы, что общественные устои не рушатся, а простой „темный" народ даже не догадался бы об этой краже.

Одного мальчика на экзамене священник спросил: —Что сталось бы с людьми, если бы не существовало десяти заповедей Моисея?

Озадаченный в первую минуту мальчуган с детским лукавством быстро сообразил:—Люди стали бы убивать друг друга, обкрадывать, завидовать, поклоняться многим богам-идолам и т. д.

Батюшка остался очень доволен, мальчик получил высший бал.

Не этот ли самый, по детски упрощенный вывод делают все законодатели?

Уж одно то, что нет никакой материальной возможности знать каждому человеку все государственные законы и *постоянно помнить их*, чтобы сообразоваться с ними в своем повседневном поведении, ясно как день показывает, что не внешние законы руководят людьми в их взаимоотношениях, мешают им безпрестанно вредить друг-другу, а иные силы.

Если бы можно было произвести под-

счет тому безконечному числу возможных убийств и краж, которые власть сама фактически не в состоянии ни предупредить, ни преследовать (особенно в деревне, где полицейская охрана почти отсутствует), с числом имеющих место преступлений этого рода, то для всех стало бы ясно какую ничтожную роль играет государственная власть в деле охраны общественной безопасности. Очевидно, что общественный строй поддерживается не государственными, а иными законами. Это—законы, присущие самому человеку, его психо-физиологии. Изучение той части психо-физиологических явлений, которыми определяются взаимные отношения людей составляет предмет *этики* или *морали*.

Юристы называют этические явления *бытовыми отношениями* и утверждают будто „юридическое отношение—это только одна сторона бытового отношения" (проф. Шершеневич). Но в таком случае юридическое законодательство должно было бы совпасть с соответствующим обычным правом. В действительности же наблюдается обратное: законодательство идет в разрез, насилует бытовое право. Иначе, оно было бы излишне. Ведь не регулирует же закон решительно все взаимоотношения людей. Сами юристы признают это, говоря: „действие обычного права начинается там, где молчит закон". Куда полезнее было бы для свободного общественного развития, если бы закон всегда молчал перед обычным правом!

Законы сохраняют свою силу впредь до их отмены другим законом, жизнь же безостановочное движение, влекущее за собой обычное право. Понятно, что косная по своей природе законодательная машина всегда отстает от современных ей бытовых отношений. В Англии формально сохранены еще многие средневековые законы. В России даже революционные социалистические власти не нашли ничего лучшего, как оставить в силе значительную часть царских законов.

Те законы, которые идут в ногу с бытовыми отношениями сами по себе становятся излишними.

Другие, забегающие вперед, или вернее, имеющие своим источником диалектическое предугадывание будущего, в силу ограниченности человеческих знаний и, в особенности, ума самих законодателей,—вырождаются в личный и партийный произвол, в так называемый „просвещенный деспотизм", не менее возмутительный, чем деспотизм грубых интересов; русская история и современная печальная действительность тому свидетели.

Нет ничего менее обоснованного, чем утверждение будто законы действуют на обычное право, совершенствуя его. Если они не извращают свободное развитие общества, то влачатся за прогрессом, как ненужный, задерживающий балласт или, что хуже, оживляют отживающее обычное право. Так, например, давно ли российское законодательство осуществляло насильственный привод жены, не желавшей жить с мужем,—этот явный пережиток тех отдаленных времен, когда женщина была об'ектом собственности, похищенной или купленной.

Закон, по самой своей повелительной форме, глубоко унизителен и оскорбителен для всего общества. Устанавливая ряд запрещений и обязательств, он этим самым предполагает всевозможные преступные склонности в каждом из нас. За гораздо меньшие подозрения, порочащие доброе имя, высказачные публично, люди с презрением отворачиваются от оскорбителя. Законодатель же может каждого из нас заподозрить в самых отвратительных преступлениях и это сойдет ему. Так мало развито чувство общественной чести у современного цивилизованного человека!

Упразднение всех, решительно всех принудительных законов, т. е. юридического права, устанавливаемого государственной властью, требуемое анархизмом, повлечет за собой не хаос в общественных порядках, а, напротив, освободит этические, бытовые отношения от насилий, извращений и унижений со стороны государственной власти.

ЭТИЧЕСКИЙ ЗАКОН ТРУДА.

Рассмотрим одну из самых основных сторон бытовых явлений,—*этический* или *моральный* закон, определяющий трудовые отношения людей.

Прежде всего возникает вопрос: как определить моральный закон вообще?

„Мы должны исходить из фактов, чтобы из них вывести законы, начать с действительности, чтобы из нея вывести нравственность. И самым существенным, основным явлением нашей природы оказывается тот факт, что мы живые, чувствующие и мыслящие существа", говорит М. Гюйо. Наше существование, т. е. наша жизнь, нераздельное целое, поддерживаемое взаимодействием органов питания (в широком физиологическом смысле слова), чувств и мышления.

Разберем каким образом свойства человеческого существа определяют трудовые взаимоотношения людей и в каком соотно-

шении к ним находятся законы государственные.

Уже апостол Павел писал: „Не трудящийся не достоин пропитания"; в XX-м веке государственные социалисты высекли на своих памятниках: „Не трудящийся да не ест" (предполагая, очевидно, вместе с апостолом, в человеке врожденную склонность к лени) и установили закон *всеобщей трудовой повинности*.

Что же нам говорит о труде этический закон? Для распознания этого закона, по совету Гюйо, нужно исходить из простых фактов прежде чем их обобщать.

Вот некоторые из этих фактов.

Перед нами здоровый и сытый ребенок, будущий человек. Он играет, безпрестанно суетится, что то творит. Принудить его к бездействию, поставить в угол, для него большое наказание. Но вот проходят часы, ребенок проголодался, его движения вянут, он бросает игру. Ребенка накормили —он снова принимается за свою деятельность.

Тут мы наблюдаем конкретный факт: потребность в деятельности естественно вытекает из существования здорового и сытого организма.

Не то же ли самое мы наблюдаем у зрелого человека? Не отягчается ли тюремное заключение для взрослого вынужденным бездействием?

Не то же ли проявляется у животных? Не рвется ли сытый конь под седоком или в упряжи вперед?

Моральное качество, называемое *ленью*, не присуще здоровому организму при достаточном питании и свободном проявлении его чувствований и мышления.

Хороший хозяин, чтобы извлечь наибольшую пользу из своей рабочей скотины, заботится о корме и уходе за ней.

Расчетливый фабрикант, не будучи в состоянии без самоотречения изменить другие условия подневольного труда, старается способствовать улучшению питания и гигиенических условий быта своих рабочих, чтобы этим путем повысить производительность и извлечь наибольшие выгоды.

Деятельность такая же естественная потребность человека, как и питание. Эти две функции взаимно обусловливают одна другую.

Но не одним питанием определяется деятельность.

Игры ребенка—не бесцельные занятия, не бессмысленная суета, а стремление творить, создавать, организовывать. Ими руководит *мысль*, которая намечает цели для достижения. Заставьте ребенка исполнять чужие, неусвоенные им предписания в игре, у него пропадет всякая охота к ней.

Не то же ли самое наблюдается у взрослого?

Даже подневольный труд, при ясно намеченной цели,—сдельная работа,—дает большую производительность. Так конь, идущий по направлению к стойлу, ускоряет свой шаг.

Не понижается ли производительность труда, когда человеком не руководит им самим сознанная цель?

Затем, не повышается ли разве производительность при об'единении умственного и ручного труда?

Всматриваясь дальше в деятельность ребенка, в его игру, мы заметим, что он никогда не играет один. Даже когда он обречен на вынужденное одиночество, то одушевляет своим воображением предметы, с которыми он возится. Игра принимает интенсивный характер увлечения, когда она происходит в обществе схожих с ним детей, его сверстников.

То, что наблюдается у ребенка, проявляется и у взрослого. Чувство, влекущее людей друг к другу, называемое общительностью, не только свойственно человеку, но и является для него насущной потребностью. Общительность оказывает большое влияние на производительность труда. „Наблюдения показывают"—говорит проф. Железнов—„что несколько человек, ведущих совместную работу, выполняют ее гораздо интенсивнее, чем при одиночном труде".

Здоровый организм, хорошее питание, свободный выбор, воспринятая сознанием цель, добровольное взаимное об'единение—вот условия, определяющие основные признаки этического закона труда.

Как мы далеки от узкого кругозора государственного законодательства, вменяющего труд в обязанность, проводимую угрозой целым рядом свирепых кар! Насколько выше юридического закона этический закон без санкции и принуждения, устанавливающий, что труд для здорового человека при свободных общественных порядках такая же потребность, как дыхание, и что он так же сближает сильных и слабых людей, как любовь—кормящую грудью мать к своему ребенку.

Как прав Кропоткин, утверждающий: „Обществу, в котором труд будет свободен, нечего бояться тунеядцев".

По причудливой иронии судьбы эти слова высечены под бюстом учителя теми же самыми руками, которые опозорили труд, вписав в государственные законы „всеобщую трудовую повинность"!

Л. Бертони о диктатуре пролетариата *).

Прежнее якобинское понимание революции, состоявшее во взятии городской ратуши, следует заменить коммунистическим пониманием, выразившемся в песне:

Восстань, народ могучий!
Рабочий, овладей машиной,
Овладей землей, крестьянин.

Мы должны, следовательно, распространять идею революции, совершающей экспроприацию и вводящей прямое управление самих производителей, вместо отживающей уже идеи захвата власти и управления государством. Как нам пишет один из наших итальянских друзей, формула *диктатура пролетариата* есть ни что иное, как старая формула *народовластия*. Все тот же демократический самообман в новом наряде. Но если даже слова *диктатура* и *власть*, пролетариат и народ, одни и те же, то какая же разница на деле? В народе о правительстве говорят: сколько ни меняй, все получается одно и то же. Так оно и есть.

Мы уже теперь имеем предвкушение диктаторіальных приемов в синдикальных федерациях, централизованных до крайности и проповедующих обязательную организацию. Уже теперь заносчивость и грубость некоторых диктаторов достигают крайних размеров. Выйдя из мастерской, они раз навсегда решили, что в нее не вернутся; они чужды ей и потому они всё так решают диктаторски! Видеть это возмутительно, но пассивное отношение к своим начальникам, существовавшее при прежних хозяевах, остается то же и при новых. В самом деле, что такое обязательная организация, как не закрепощение труда и его милитаризация, а следовательно и закрепощение всей жизни?

Наша анархистская критика оказалась, к сожалению, совершенно верной. То же самое случится и в будущем; запомним это, чтобы под предлогом об'единения в один революционный фронт не забывать нашей верности, прежде всего, анархической идее.

Джиолити, отвечая несколько лет тому назад одному социалистическому депутату, сказал, что „Маркс уже сдан в архив". И действительно, хотя все социалисты продолжали ссылаться на него, никто, в сущности не держался его учения, которое, кстати сказать, очень трудно выразить в точности, так что Сорель даже написал, что он спрашивает себя, „в какой мере Маркс *действительно* коммунист"?

И вот теперь нам говорят о возрождении марксизма, что несомненно нас приведет к возобновлению прежних споров. А потому лучше сразу поставить вопрос в ясной и определенной форме, не уклоняясь в сторону из-за мелких подробностей.

Хотим ли мы установить коммунизм *с государством* и *для государства*, или же *без государства* и *против* него?

Почти все социалисты высказывались против государственного социализма, но никогда никакого другого не выставляли. Теперь нет сомнения, что в России все усилия большевистских правителей направлены к передаче государству всех отраслей жизни. В писаниях русских диктаторов нередко находишь подтверждение того, что всякий ожидал,—того, что писал Прудон: „...боязнь народа болезнь всех тех, кто стоит у власти; для правительства его враг —народ". Под предлогом, что народ бессознателен, невежествен, эгоистичен, легко увлекается и поддается обману, большевистской властью постоянно провозглашается необходимость все большей власти, управления и государственного контроля, при полном подчинении *диктатора-пролетария* —точно так же, как говорилось в демократии о *суверенном гражданине*.

Мы конечно не думаем утверждать, что масса не могла ошибаться в то время, когда она обучается свободе, неопытность и дух подчиненности могут становиться источниками вредного ей саботажа; но мы знаем также, что под предлогом устранения одного зла, правительство всегда создает другое зло, еще бо́льшее. Каким же чудом может избежать этого пролетарская власть? Некоторые ученые исторические материалисты просто напросто забывают приложить к самим себе свое учение. Мало того, тогда как некоторые буржуа признаются, что власть развращает людей, большевики утверждают, что они совершенствуются, оставаясь во власти. Но мы относимся более чем скептически к этому утверждению.

В конце концов, большевизм хочет, чтобы собственность, управление, ее эксплуатация и вся власть принадлежали государству. Правда, что иногда высказывается предположение, что это государство будет совсем непохоже на буржуазное. Но вековой опыт не доказал ли нам, что те же учреждения постоянно вновь возрождаются, потому что государству всегда предоставляется восстановлять порядок? А потому мы в праве утверждать, что если ему еще раз поручат эту роль, то крупные перемены, совершенные сначала, будут изо дня в день сводится на нет.

Революция еще раз потерпит кру́ше-

*) Выдержка из статьи Л. Бертони „О современной роли анархизма", напечатанной в № „Le Réveil" от 14 февраля т. г.

ние. Если действительно социализм, как это утверждают, есть ни что иное, как экономическая централизация, то такая централизация неизбежно приведет к централизации политической, с ее полицией, армией, бюрократией, судом и т. д. А если останется государство, то останется и капитализм. И мы тогда получим не коммунизм, а государственный капитализм.

Зная это мы предпочитаем всегда направлять нашу пропаганду против всякой формы власти и эксплуатации.

Революционная тактика анархизма.

Существуют две, на первый взгляд взаимно исключающие тактики по отношению к общественному развитию. Это, с одной стороны, мирная тактика постепенного развития, а с другой—революционная,—тактика быстрых насильственных изменений.

Мировая война и последовавший за ней „великий опыт", предпринятый государственными социалистами-большевиками на обширной территории Российской Империи вызвали такую глубокую хозяйственную и моральную разруху, что невольно возникает вопрос: правильно ли были поставлены и разрешены тактические вопросы не только мирными обновленцами, но и проповедниками социальной революции?

Прежде всего следует отметить, что мировая война вспыхнула не вследствие разрушительной проповеди ужасных „подрывателей общественных устоев", а именно в течение той мирной эволюции, которую всегда расхваливали сторонники „порядка" и „постепенного прогресса".

Всякий мало-мальски мыслящий и искренний мирный обновленец, оглядываясь на все ужасы мировой бойни, должен тоже признаться, что к этому привела эволюция государственного, капиталистического строя.

Но что должны думать и чувствовать мы, сторонники социальной революции, наблюдая большевистский опыт? То, что в этой государственной форме социальная революция не может удасться.

После крушения надежд на мирное общественное развитие в рамках государственности, и на социальную революцию в государственных же формах, человеческая мысль невольно наталкивается на вопрос: не в самой ли сути государственной власти весь корень зла?

Скоро широким народным массам станет ясно, что оно так именно и есть.

Трудно делать предсказания даже на завтрашний день, так же как увидать из ложбины, что находится за ближайшим холмом. Но стоит лишь подняться на высокую гору, как взор может обозреть очертания поверхности земли на большом пространстве. Так, всматриваясь в общий ход событий, можно предусмотреть, что одним из самых неожиданных последствий мировой войны и нашей своеобразной „социальной революции", —последствие, которое наложит свой отпечаток на все дальнейшее развитие цивилизованных стран, это будет подрыв самого начала государственной власти.

Анархистский идеал — отныне единственно возможный идеал общественного обновления. Все люди доброй воли и критической мысли скоро примкнут к нему. В такое время нам, анархистам первого часа, более чем своевременно пересмотреть предпосылки к своей тактике, чтобы не быть застигнутыми врасплох грядущими событиями, как в начале мировой войны, когда одни из нас были вовлечены отрезвляющей логикой действительности в водоворот, одинаково всем нам ненавистной войны, а другие, скованные оторванной от жизни идеологией, продолжали свою бессильную и безплодную проповедь „войны (голыми руками) войне".

Анархистское движение, с самого своего зарождения в I м Интернационале, усвоило эволюционное мировоззрение, установившееся тогда в естественных и общественных науках.

Эволюция, т. е. последовательное развитие должно привести человечество к тому высокому идеалу *свободной всеобщей взаимной помощи*, который мы теперь называем анархистским коммунизмом.

Но тут является вопрос: почему анархистское движение *теоретически* исходя из эволюции, основываясь на последовательности в развитии, *практически* называет себя и является революционным?

Сравнения, делаемые с явлениями природы,—с загроможденной в своем течении рекой, прорывающей преграду, с извержением вулкана, с рождением ребенка,—едва ли могут считаться достаточным объяснением.

„Сравнение—не довод", гласит французская поговорка. Сколько мощных рек испокон веков текут не встречая препятствий, сколько извержений вулканов предупреждаются постепенным выходом газов из недр земли и, наконец, разве внезапно рождается ребенок и нужно ли ускорять естественные роды разными акушерскими приемами?

Если признать, что революция, быстрая перемена, происходит только в результате постепенных изменений, если „никакая революция не может совершиться без предшествующей ей эволюции" (Элизе Реклю),

то, строго говоря, нам нечего было бы волноваться, пришлось бы терпеливо ждать пока завершится эволюция и естественным путем приведет к предусматриваемым внезапным переменам.

Очевидно, в такой постановке вопроса скрывается какая-то ошибка. Она заключается в том, что эволюционная теория, или теория *трансформизма*, появилась в противовес господствовавшей до нея теории *неизменяемости видов*, как живых организмов, так и физической природы, созданных яко-бы по раз навсегда установленному образцу.

В старом споре об эволюции и революции противопоставляются не два взаимно исключающие понятия, а одно родовое—эволюция, другому видовому—революции. Революция представляет из себя один из видов эволюции с ускоренным темпом вперед, к прогрессу, и ей следовало бы противопоставить не эволюцию, а *реакцию*, тоже представляющую из себя быструю эволюцию, но в противоположную сторону, к *регрессу*.

Таким образом революцию можно определить как *ускоренную прогрессивную эволюцию*.

Казалось бы вопрос ясен и все сознательные, убежденные сторонники прогресса должны были бы иметь общий язык, найти общее русло, по которому они шли бы в одном направлении, как течет вода в реке с различной скоростью.

На деле, что же мы наблюдаем в жизни? Необычайную противоположность взглядов и практической деятельности не только между мирными обновленцами и революционерами, но и в среде последних.

Эти разногласия проистекают не из заблуждений одних или других, но главным образом от того, что в общественном развитии, подобно тому, как в биологическом мире, нет *однотипности*. Большевики лишний раз доказали,—на этот раз по обдуманному расчету, так сказать „научно",—как можно выбить из своей колеи естественное развитие общества тем зловредным аппаратом, унаследованным от варварских веков, который называется государственной властью.

В сущности, тех же извращений естественного развития жизни, т. е. свободной эволюции, достигают и все монархические и демократические режимы. Большевизм только наглядно выявил своей прямолинейностью эту сущность государственной власти.

Если эволюция ведет не к однообразному, однотипному общественному развитию, то отсюда вытекает логическое право для каждого из нас не признавать государственную власть, имеющую яко-бы какие-то исторические предначертания для выполнения, в чьих бы руках эта власть ни находилась.

На деле так поступают все политические партии пока оне не у кормила правления, борясь с власть предержащими. Но как только та или другая из них достигает власти, грубой ли силой (которую они тоже называют „революцией") или мирными, но лживыми избирательными махинациями, то сразу меняют фронт и начинают требовать от всех безусловного подчинения своей воле, своей власти, своей программе.

Одни только анархисты усвоили научное понимание разнообразия в историческом развитии. Только анархисты не стремятся уложить безостановочное развитие человечества на Прокрустово ложе принудительных законов. Только мы не выдвигаем обязательную для своих сторонников программу, которую затем стремились бы навязать силой всем.

Это не значит, что у нас выработался общий для нас всех идеал, на котором мы все сходимся. Напротив, ни одно учение, быть может, не изобилует столь большим разнообразием разновидностей.

То, что обще всем анархистам, это—их *тактика*: не навязывать другим людям насильственно, *принудительно* своих воззрений.

Эта тактика, как мы видели, находит свое обоснование в эволюционной теории, установившей, вместе с видоизменяемостью форм, и разнообразие путей развития. Какой из возможных путей окажется лучшим, более способным повести к высшим ступеням развития, покажет уже практика, опыт.

Формы, в которые выливается медленное развитие (эволюция в тесном смысле слова) или быстрое (революция), могут быть самые разнообразные. „Иногда революции могут совершаться мирно, вследствии внезапного изменения среды и перемещения интересов",—говорит Элизе Реклю,—„точно также и эволюции в обществе могут быть чрезвычайно затруднены, сопровождаться войнами и преследованиями".

Эти слова—не простой парадокс, они содержат глубокий смысл. Так, например, открытие *огня*, которое тот же ученый считает одним из важнейших моментов в развитии человечества, несомненно оказало бо́льшее влияние на ускорение прогресса, чем все декреты революционных правительств всех стран и времен. Чествование этого события огромной важности до сих пор сохранилось в бессознательном, симво-

лическом виде зажигания лампад перед иконами

С другой стороны, преследования, которым подвергаются анархисты в разных странах, вплоть до смертной казни, применяемой то электричеством, то гильотиной, то приставлением к стенке, разве свидетельствуют о мирных средствах эволюции?

„Иногда эволюция ведет к упадку, как и революция к смерти", говорит далее Элизе Реклю.

Новейшая история России дает и тому, и другому наглядный пример и поясняет их причину. Эволюция России под спудом самодержавия привела к тому моральному упадку, в котором мы завязли ныне, а революция, под эгидой неограниченной партийной власти, повлечет народ к физическому вырождению, если в нем не найдутся достаточные живые силы, чтобы дать революции новое направление.

Как бы ни были схожи наши конечные идеалы с идеалами социалистов-государственников, целая пропасть разделяет анархистов от них, и именно, в *тактике*, —в практических приемах, направленных к осуществлению целей.

Не навязывая никому насильственно своих взглядов, нередко простоватых, наивно упрощенных (не всем даны высокое образование и глубокий критический анализ), всякий анархист тем не менее несет с собой научно обоснованную тактическую истину.

—„Не мешайте всякими принудительными законами свободному проявлению неисследованных еще до конца сил человеческой личности", говорит его поведение.

Так поступает крестьянин, никогда не изучавший физиологию растений, когда сеет семя, приносящее благодатную жатву.

При современном состоянии общественной науки никто не может сказать: „Я познал истину, я подчиню ей всех!"

Когда власть претендовала на происхождение от высшего разума, на божественную природу, она была последовательна и могла требовать подчинения себе всех. Но с того времени, как развенчали этот сверхестественный источник власти, вожди политических партий, если они маломальски вдумчивы и искренни, должны были бы смотреть друг на друга, как древние жрецы—не без невольной улыбки.

Отрицание власти анархистским учением вытекает из лучшего понимания научной теории эволюции.

Оно же диктует нам нашу революционную тактику, не имеющую ничего общего с тактикой политических партий.

Мы сторонники естественного, свободного развития общества, а потому вынуждены насилиям государственной власти, извращающим свободную эволюцию, противопоставлять сопротивление,—вот в каком смысле мы революционеры.

Но отвлеченные понятия и теории недоступны народным массам. Простой народ движется не оторванными от практической будничной жизни идеями, а инстинктом самосохранения, личной пользой.

Где же те приемы, которые приобщили бы к нашей революционной борьбе с государственнной властью вообще, а не только с той или другой формой ея организации, широкие слои населения?

Эти приемы нам дают профессиональные и кооперативные организации.

И те, и другие легко охватывают широкие народные слои именно благодаря тому, что приносят немедленную осязательную пользу своим членам, обороняя их от произвола власти и держателей привилегированной и монопольной собственности, процветающей под покровительством той же власти.

Современная задача анархистов,—говорит Кропоткин,—„вдохнуть живую силу в эти оба движения,—оформить, разработать, обосновать их, помочь им обратиться из орудий самозащиты в могучее орудие преобразования общества на свободных началах".

Вот в какую сторону должна быть направлена наша массовая революционная тактика противодействия насилиям власти.

К сведению читателей.

„Почин" высылается всем лицам, группам и учреждениям, сделавшим соответствующий запрос, в расчете на материальную поддержку по их усмотрению *по мере получения последующих №№.*

—Для поддержания органа редакцией получено от: старого народовольца—100 р., А. Д.—30 р., через А. Д.—250 р., С.—50 р.. Победимого—100 р., Рудермана—100 р., А. Б.—50 р., Судогодск. Един. О-ва П-лей—500 р., Ок.—50 р., Аскарова—15 р., В.—50 р., Жукова—30 р., ху-зета—30 р., Астахова—15 р., Короб.—6 р., М. 25 р., Б. П.—30 р.,—10 р.,—10 р., Аст.—12 р., Медынцева—30 р., Буруг.—50 р., Абрамова—20 р., Николаева—100 р., П. Кер. 120 р., Чеснокова Ив. 100 р., Т. П. 60 р., Котова 200 р., Короб. 20 р., Аскарова 10 р., Князьева 100 р., Н. Б. 25 р., А. Струве 25 р., Фиш. 30 р., К. 30 р., В. Афонина 100 р., А. Алексеева 120 р., А. Шаф. 25 р., Павлова 20 р., Савенкова 30 р., Х. 10 р.. К. 30 р., Новикова 30 р., И. Г. Адемар 85 р., Босяка 200 р., Аносова 528 р., Х. 70 р., Виноградова 25 р., от розничной продажи т. А. С. 2220 р.. Спасибо всем.

Запросы, материалы и деньги просим высылать по адресу:

МОСКВА, 1-й Дом Советов, комн. 219.

Тов. А. А. Карелину.